

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Янтарь и тигровый глаз

— Мистика, эротика, фэнтези. Более чем откровенно, но литературно и без непристойных слов. И не говорите после этого, что вас не предупреждали —

Тыходишь ко мне дуновением ветра, Податливая, словно пламя свечи... Прошу: оставайся в ночи безответной; Будь трепетной, но — умоляю — молчи!

Речь — только прикрытие лжи и обмана, Слова чтобы прятать, слова чтобы красть... А ты бессловесна, слепа, безымянна, Но в каждом движении правда и страсть.

Медовым сочатся желанием губы, В них голод и жажда сплелись в унисон, А тонкие пальцы то нежны, то грубы — Мучительный и неозвученный стон!

Ты сон, ты открыта другому пространству, Где время иное, где запах иной, И кто мне расскажет, в моей ли ты власти Иль властвуешь дерзко сама надо мной?

О миг упоительный, жадный, немислимый, Миг, что длиннее, чем вечность сама. Есть правда честней всех превратностей жизни — Бесспорная истина вещего сна!

Продлись, задержись, сохрани свое пламя, Дай свет нам и звук из протянутых рук! Что с нами случилось, что станется с нами — То тайна двоих в откровениях двух...

...

Рассвет, беспощадный убийца видений, Приходит неожиданным с косой на плече. Лишь бедные тени, две бледные тени Стремительно тают — и нет их вообще.

Летняя ночь непроглядна и пуста, словно укутанная мягким покрывалом черного бархата. Где-то там, снаружи, сквозь густые облака еще прорезается иногда дерзкий луч припозднившейся звезды — Альтаир, Вега, Денеб... Красивые слова из чужих языков, они словно пытаются докричаться до онемевшей земли, что забылась в неверном зыбком полусне, изнеможденная безжалостным зноем отошедшего дня. Но здесь, за глухими шершавыми стенами, хранящими холод веков, эти звёзды покорно тают одна за другой на моей ладони, словно заблудившиеся в месяцах снежинки прошедшей зимы. Холодный свет стучится в густую липкую влагу, а потом лениво протекает между пальцев вниз в безнадежной попытке подарить хоть каплю жизни иссохшимся за долгие века одиночества каменным плитам. Но нет, увы, здесь властвуют иные силы, иные законы. Вчера, сегодня, всегда.

Ты появляешься на пороге, влекомая безмолвным магическим зовом. Собранный и пугливый одновременно — неуверенно взрослеющий детеныш пантеры, готовый одновременно и вцепиться когтями в приподнявшегося из-за тяжелого дубового стола человека, раздирая в ключья широкие плечи, и распластаться перед ним на полу в позе совершеннейшей покорности. Знаешь ли ты, что ждет тебя в этих покоях вне времени и пространства? Встретишь ли ты вообще завтрашнее утро, а если да — то кем встретишь и чем встретишь? Нет, ты этого не знаешь. Но все-таки идешь, повинувшись магическому зову. Навстречу мне, навстречу судьбе, и навстречу самой себе.

— Ну, здравствуй!

Я не вижу и не слышу, как ты медленно ступаешь по тяжелому ворсистому ковру, обволакивающему и ласкающему девичьи ноги. Замедляющему шаги, согревающему душу вопреки прохладе толстых каменных стен помещения... Да, я не вижу и не слышу этого обычными чувствами, но у мудрых свои собственные глаза и свои уши — те, что открываются

только с Первым Посвящением. Тебя выдает сейчас учащенное дыхание, которое горячими порывистыми ветерками вырывается из ноздрей. Тебя выдает нежный девичий запах молока и мёда, словно облаком окутывающий упругое и тренированное, но вместе с тем наивное, донельзя доверчивое тело. Выдает аура настороженности, любопытства, желания — и многих иных чувств, для которых в обычном человеческом языке нет слова, способного выразить их в полном объеме. А если в трех словах — ты меня хочешь.

Непроглядная тьма вокруг сгущается еще сильнее, хотя, казалось бы, чернее уже некуда. Воздух словно густеет, уподобляясь свежему мёду или жирным сливкам альпийских лугов — он пропитывается тем запахом, который принесла с собой моя сегодняшняя гостья, застывшая в немом вопросе уже на расстоянии вытянутой руки. Слегка подрагивая в напряженном ожидании, вздернутый носик придает почти детское выражение тонким изысканным чертам вполне взрослого, казалось бы лица. Раздутые от возбуждения ноздри жадно вдыхают атмосферу того зала, куда привела тебя сегодня чужая, но столь знакомая уже по прежним эфирным свиданиям воля. А пахнет здесь амброй и табаком, многовековой плесенью и шелковистым мохом от каменных стен, желтеющей бумагой старинных манускриптов и, откуда-то издалека, серой... Невидящие глаза подняты вверх в мучительном немом вопросе:

— Так что же теперь, что, мой мудрый повелитель?

И тогда я протягиваю обе руки вперед, опуская пальцы вниз в указующем жесте.

Объяснять больше ничего не надо: подбитый нежным мехом плащ медленно спадает с голых плеч, а следом за ним на каменный пол библиотеки беззвучно опускаются и тонкие кружевные покровы. Они отдают свои последние ласки стройной спине, едва не зависнув на вздернутых вверх лопатках, потом нежно скользят по крепким упругим бедрам и округлым ягодицам, коими щедро одарила тебя природа. Колени, икры, щиколотки — и вот ты уже застыла передо мной в первозданной наготе: обнаженные руки протянуты вперед, а голова, наоборот, откинута назад, открывая мужчине и миру пятую чакру. что разворачивается сейчас и здесь, в полушаге от тебя и в полуметре над тобой...

А я тем временем преодолеваю медлительным движением последний разделяющий нас шаг и впиваюсь языком и губами в распахнутое настезь средоточие твоей женственности. Невинная нежность молока и сливок робко отступает вдаль, на второй план, сменяясь солоноватым терпким вкусом южных морей. Тех самых, что даруют тепло и многоцветье красок неисчислимым формам жизни, от нежно ласкающих ныряльщика водорослей, от затейливого сплетения кораллов — и вплоть до игривых дельфинов и повергающих в ужас тигровых акул. Мои губы столь же безжалостны и ненасытны сейчас, как две свирепые морские хищницы, отчаянно пытаюсь испытать досуха твой, истекающий соками, животворящий родник — но нет, безнадежно. Ты неиссякаема, горяча, мокра... Когда же напрягшийся от вожделения коралл решается наконец ворваться в эти влажные глубины, ты в последний миг делаешь неуловимое движение бедрами и принимаешь его в другой, более узкий и тесный грот, расположившийся по соседству с первым.

Там тоже все залито приливными водами твоего извращённого желания. Гольфстрим, Курисио, Эль-Ниньо... Горячие струи смывают остатки страха и смущения, а жаркая и тесная глубина пещеры радостно расступается навстречу моему движению, до самых своих сокровенных далей — тех самых, где, по слухам, покоится до лучших времен пиратское золото. Штормовые волны одна за одной бьются о стены грота, иссохшегося за долгие годы

одиночества и незаполненности, и каждый подступающий девятый вал кажется всего лишь восьмым с половиной. Тебе хотелось бы большего? Неистового цунами, сминающего реальность и проламывающего все барьеры сознания?

Ты набрала правильный адрес, девочка: сегодня ты в гостях у волшебника.

Словесные заклинания, кстати, равно как и многозначительные пассы руками — всё это для приготовишек и трюечников от магии. Высшее волшебство вершится совсем по-другому. Нет, конечно, вербальные формулы и движения ладоней здесь тоже помогают, но они лишь на подхвате, а основная часть заклинаний произносится вовсе не на человеческом языке и даже не языком. Это в первую очередь напряжение воли, тонких структур души — с подключением всего тела, и прежде всего тех его элементов, которые наиболее уместны и актуальны в данном конкретном случае. Так что сегодня важнейшим элементом моего колдовства сейчас служит тот магический жезл, который раз за разом вонзается в глубины твоего тела. А его основание уже перехвачено каменным кольцом силы, и не трудись спрашивать, когда этот артефакт здесь появился и каким образом сомкнулся: такое знание открыто лишь посвященным, произносившим некогда в надлежащий момент и в надлежащем Месте Тишины ритуальные слова магической присяги.

Здесь же скажу только о своем выборе камня для сегодняшнего свидания. Гладкий, загадочно блестящий минерал багрового цвета с золотистыми и черными прожилками недаром зовется издревле Тигровым глазом. Хищный, мужественный и видящий насквозь, он грациозно оттеняет податливую женственность той окаменевшей смолы, что охватила тебе горло и запястья. Поддетое под основание царственной булавы кольцо вбирает в себя и усиливает стократно те вихри, что бушуют в тесных недрах твоей маленькой потаенной пещеры. А она сжимается еще теснее, когда легкое, но уверенное ментальное усилие наполняет мою булаву новым содержимым, и её медленное мучительное высвобождение из объятий жаркого грота дается уже с большим трудом.

«О нет, это невозможно, — снова стонет откуда-то из занебесных далей чужой голос, прокуренный и хриплый. Такой непохожий на твое нежное и слегка наивное щебетание. — Я просто физически неспособна там настолько раскрываться, причем без малейшей боли. Так не бывает!»

— Успокойся, милая, — легонько шепчу я на ушко своей гостье, плавно поднимая её и переворачивая лицом вниз, на четвереньки. — Мы же с тобой сегодня в пространстве фантазии, на нефритовых лугах волшебства и вдохновения, а здесь бывает еще и не так. Магия — это ведь не наука, а высокое искусство. А уж магия любовного соединения тем более. Здесь красота заклинания, его вписанность в гармонию окружающего мира куда важнее соблюдения правил грамматики или предписаний почтенных профессоров, навеки погрязших в своей академической импотенции. Вовремя сказанное нежное слово, вздох, приглушенный стон или, наоборот, исступленный крик — вот они, твои колдовские формулы. Прикосновение ладони или губ к нужной именно твоему возлюбленному точке, крепкое пожатие где-то внутри, резкий толчок вправо или, наоборот, влево — вот они, твои магические пассы. Вселенная любви не знает иных пределов, кроме тех, что мы установим себе сами. И когда янтарный шар размером с небольшое наливное яблочко, повинувшись моим ладоням и потокам силы, которые из их истекают... Когда эта полупрозрачная оранжевая сфера, полная магическим сиянием, осторожно, но неуклонно ввинчивается в гостеприимно распахнутые врата страсти — в этом есть высший смысл.

— Есть! — И вот уже золотистый шар минует точку невозврата и устремляется вглубь, влекомый неодолимым притяжением зовущей его черной дыры. А следом за ним, чуть погодя, и еще один, на сей раз лимонно-желтый. Как хороши эти весенние цвета: молодого утреннего солнца, мимозы и расцветающих нарциссов. Они буквально пронзают насквозь, яркие, сочные, и семь лотосов вспухают в узловых точках по основной оси тела несказанным украшением природы.

Но природа не терпит пустоты, как было сказано мудрыми задолго до нас. И ты, повинувшись легкому касанию моих рук, переворачиваешься обратно на спину, а мой коралловый ствол устремляется туда, где его так долго ждали. Естество протягивает руку волшебству, и вот уже раздавшийся до императорских размеров скипетр властвует в твоей распахнутой сокровищнице, каждым движением проминая сквозь тонкую стену янтарные сферы соседней пещеры.

Божественная сфера, символ небесного совершенства! Ты владычествуешь везде, от заоблачных светил и вплоть до той мельчайшей клеточки внутри женского организма, что готова к зарождению новой жизни. Пульсируя, распухая, вздуваясь и снова опадая на мгновение с тем, чтобы тут же налиться новыми соками и заполнить тугое сочащееся пространство. А тонкое кольцо тигрового глаза охватывает эту сферу своими золотистыми и антрацитовыми прожилками, уподобляя Солнце новому Сатурну. Не напрягайте попусту свое пространственное воображение, унылые рабы евклидова пространства: ваш третий глаз давно и безнадежно ослеп в густой пелене обыденности. Но нам с тобой, моя девочка... Нам, слившимся воедино в поединке страсти где-то на полпути между «нигде» и «никогда», дано ощутить этот сладковато-горький вкус предощущения Большого Взрыва.

Я чувствую, как пульсирующая точка в основании позвоночника начинает наливаться теплом и нетерпением — сначала еще едва заметно, но чуть чуть теплее с каждым ударом вглубь, заставляя вспомнить старую детскую игру в холодно-горячо. Да-да, маленькая, теплее, еще теплее... Какое это восхитительное ощущение: чувствовать, как твое пространство сжимается вокруг меня, подобно схлопывающейся Чёрной Дыре. Ни на минуту не забывая при этом, что твоя звезда — двойная: две янтарные планеты, оранжевая и зеленовато-лимонная, прокатываются по мне на каждом витке этой бесконечной орбиты.

Да что пространство?! Даже и само время присоединяется к нашей гонке на световых скоростях, неистово ускоряясь на посмешище старине Альберту. Мы словно мчимся наперегонки с тем огненным столбом, что бушует внутри меня. А горячая лава тем временем подступает из подземных глубин все ближе и ближе к жерлу вулкана. Еще мгновение, пол-мгновения, четверть мгновения, немыслимая микросекунда длиною в вечность, когда прошлое и будущее сливаются воедино, а невозможное становится возможным...

— Да явится свет!

В том момент, когда из подводного гейзера наконец вырывается клокочущая струя, а Большой Взрыв в самой сердцевине твоего мироздания дает начало новой вселенной — в этот миг ты наконец распахиваешь глаза, заново вбирая все радужные краски мира в их ослепительном сиянии, и эта радуга отражается в маленькой слезинке счастья, скромно проблеснувшей где-то в самом уголке глаза. А я одним порывистым движением упруго поднимаюсь на ноги, подхватив тебя под колени. И так, в судорожном сцеплении янтара и тигрового глаза, встречаем новый день.

...

Где-то на окраине маленького российского городка, немолодая женщина сняла наушники, оторвала пальцы от помеченной шрифтом Брайля клавиатуры и, выключив компьютер, наощупь побрела к кровати. А где-то на другом краю континента, на окраине маленького европейского городка, пожилой мужчина тоже выключил свой компьютер и, перекинув руками с компьютерного стула на кресло с огромными колесами свои иссохшие ноги, покатился к одинокому ложу. И опустилась ночь.